

**РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Н.А. БЕРДЯЕВА
(ОТ «ДУХОВ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»
К «ИСТОКАМ И СМЫСЛУ РУССКОГО КОММУНИЗМА»)**

В отечественной и зарубежной историко-философской литературе существует обоснованное мнение, подкрепленное текстами и биографиями, согласно которому русские философы серебряного века были принципиально антиреволюционными. Антиреволюционными в смысле неприятия не только собственно революции, но и любого социального проекта, создаваемого на базе насилия над личностью.

Однако в 1917 г. противоречия русской действительности, не разрешаемые в течение длительного времени, привели к социальному взрыву, к Великой русской революции. Соответственно, возникла необходимость ее анализа, или, по меньшей мере, выражения некоторого отношения к революции. В своем большинстве русские философы серебряного века остались на отмеченных антиреволюционных позициях. Причем иногда эта антиреволюционность смыкалась с открытой реакционностью, причем всегда с нежеланием серьезного анализа.

Действительно, обратившись к работам, отдельным идеям, высказываниям русских философов, мы легко отыщем подтверждение этому. Примеров достаточно: Н.С. Арсеньев, писавший об умирании и обеспоживании духа в постреволюционной России; Ф.А. Степун с его фразой, что большевизм «был и остается страшным по своим последствиям безумием»¹. В.В. Зеньковский с его представлением о русской истории XX в. как периоде тяжелых и катастрофических испытаний, несвободы русской жизни под большевиками.

Все это так. Но область философского знания принципиально плюралистична. Столь же легко отыскиваются и иные примеры: В.И. Иванов, не осудивший резко большевистскую революцию, а, напротив, искавший в ее событиях характеристики желаемой им «органической эпохи»; Л.П. Карсавин, пытавшийся постигнуть и положительно оценить пафос революции; Г.П. Федотов с его желанием разобратся в основаниях революции и особенно в вопросе ее неизбежности.

Отдельное место в этом ряду принадлежит фигуре Н.А. Бердяева. Согласимся с мнением О.Д. Волкогоновой, что позиция, которую занимал Бердяев, не имеет сходства ни с простым принятием революции, ни с однозначным отвержением ее². «Точками» концептуального охвата Бердяевым проблематики русской революции для нас в данном случае послужат работы «Духи русской революции» и «Истоки и смысл русского коммунизма». Между этими работами пролегло два десятилетия, и, анализируя их, мы, на наш взгляд, можем одновременно увидеть незыблемость принципов подхода и определенную эволюцию взглядов.

Работа «Духи русской революции», как известно, 1918 г. Первоначальное восприятие Бердяевым революции (в момент, когда она собственно происходит) – характерное для русского интеллигента (и вообще индивида, находящегося в эпицентре социального землетрясения) восприятие. «С Россией про-

¹ Цит. по: *Филонова Л.Г.* Федор Августович Степун // Русские философы (конец XIX – середина XX века): антология. Вып. 2. М.: Книжная палата, 1994. С. 136.

² См.: *Волкогонова О.Д.* Н.А. Бердяев: Интеллектуальная биография. М.: Издательство МГУ, 2001. С. 102.

изошла страшная катастрофа. Она ниспала в темную бездну»¹. Далее этот первоначальный тезис развивается в сторону поиска в революционной России образа старой России, для которой, по мнению Бердяева, было характерно наличие духов, владевших русскими людьми и обнаруженных великими русскими писателями – Н.В. Гоголем, Ф.М. Достоевским, Л.Н. Толстым. Под духами (бесами) Бердяев подразумевает ложь, подмену, равенство, бесчестье, отрицание, непротивление, нигилизм.

Другими словами, давно знакомое явилось в новом обличье. Отсюда революция видится Бердяеву как некий маскарад, в котором за масками скрываются старые лица. Соответственно, в русской революции «за революционной борьбой и революционной фразеологией нетрудно обнаружить хрюкающие гоголевские морды и рожи»². В художественных образах, рожденных Гоголем, Достоевским, Толстым, можно найти разгадки бедствий и несчастий, принесенных революцией.

Далее Бердяев констатирует, что европейские революции Нового времени – английская, французская – национальны, в них узнается прошлое этих стран. Революции в этих странах сделаны на основании багажа, накопленного в прошлом. Русская революция, как считал философ, иная по своей сути. Или, как пишет Бердяев: «Русская революция антинациональна по своему характеру, она превратила Россию в бездыханный труп»³. Но при этом в ее антинациональном характере отражены особенности русского народа, старые национальные болезни и грехи, названные ранее.

На основании рассмотренного Бердяев приходит к ряду определенных заключений. Прежде всего, выдвигает тезис, что основная предпосылка русской революции кроется в рабском состоянии духа русского человека, недостаточной духовной возмужалости: «Русский человек находится во власти ложной морали, ложного идеала праведной, совершенной, святой жизни, которые ослабляли его в борьбе с соблазнами»⁴. Болезнь русского национального сознания – культ революционной святости, который глубоко противоположен христианству. Но «антихристианские соблазны, антихристово мораль, антихристово святость пленяют и влекут русского человека»⁵.

Особая роль в «рождении» культа революционной святости, как подчеркивает Бердяев, принадлежит русской интеллигенции. В частности, в связи с этим им отмечено: «Средний интеллигентный русский человек привык преклоняться перед нравственным образом революционеров и перед их революционной моралью»⁶.

Каков же выход? В чем может быть заключен дальнейший путь России? Как полагает Бердяев, этот путь заключен в духовном оздоровлении России, которое нужно искать в изобличении революционной лжесвятости, ибо в ней не происходит истинного преобразования человеческой природы, победы над внутренним злом и грехом⁷. На этом пути подстерегает опасность (собственно, это и есть основная опасность революции), ведь энергия русского народа может быть направлена по ложному пути, что может помешать выполнить призвание, сделать русский народ неисторическим. Общий вывод: «Русский народ низко пал, но в нем скрыты великие возможности, и ему могут раскрыться великие дали»⁸. Условие одно – покаяние.

Этот достаточно жесткий текст, по нашему мнению, не мог быть иным, если учитывать условия времени его создания. Текст, безусловно, религиозно-философский и метафорический. При этом выражающий однозначное отношение Бердяева к русской революции. Можно было бы предположить, что это однозначное отношение не менялось. Однако обращение к работе «Истоки и смысл русского коммунизма» показывает, что это далеко не так.

«Истоки и смысл русского коммунизма» – работа 1937 г. Как нам представляется, в отличие от «Духов русской революции» данная работа носит не метафорический, а аналитический характер, хотя и базируется все также на принципах религиозной философии (настолько аналитический, насколько возможно на таких принципах осуществление исследования социального явления). Кроме того, появление «Истоков и смысла русского коммунизма» было обусловлено не некой непосредственной реакцией на революционные события (вполне понятной), а размышлениями на протяжении достаточного времени.

В «Истоках и смысле русского коммунизма» дано развернутое, концептуальное понимание русской революции, включающее в себя рассмотрение характера русского государства и русской интеллигенции, эволюции русской революционной идеи, посредством обращения к русскому социализму, нигилизму, народничеству, анархизму, сравнительному анализу классического и русского марксизма и ряда других тем, так или иначе связанных с произошедшей в России революцией.

В этой работе русская революция характеризуется иначе, чем в рассмотренной выше. Так, Бердяев формулирует мысль, что революция в России одновременно универсалистична и глубоко национальна. Она типична в ряду других революций. Но она обладает и специфическими особенностями, порожденными своеобразием российского исторического процесса. Предпосылки революции не сводятся более к

¹ Бердяев Н.А. Духи русской революции // Из глубины: сборник статей о русской революции. М.: Издательство Московского университета, 1990. С. 55.

² Там же. С. 56.

³ Там же. С. 55.

⁴ Там же. С. 86.

⁵ Там же. С. 88.

⁶ Там же. С. 87.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 88.

рабскому состоянию русского духа. Напротив, Бердяев справедливо констатирует, что эти предпосылки коренятся в разложении императорской России и что русская революция есть прежде всего революция аграрная, обусловленная нерешенностью крестьянского вопроса. Революция опиралась на недовольство крестьян, на ненависть к дворянам-помещикам за многовековые ужасы крепостного права, унижение человеческого достоинства. Мир дворян с их культурой и нравами, воспринимался крестьянами как иноземный мир.

Несколько иное отношение демонстрирует Бердяев и относительно большевиков как силы, возглавившей революцию.

Во-первых, им констатируется, что «вся история русской интеллигенции подготовляла коммунизм»¹. Соответственно, корни большевизма – в духовной традиции России. Бердяев выявляет связи большевизма и русской интеллигенции. Эти духовно-интеллектуальные связи выражены в жажде социальной справедливости и равенства, в признании классов трудящихся высшим человеческим типом, в отвращении к капитализму и буржуазии, в стремлении к целостному мирозерцанию и целостному отношению к жизни, в сектантской нетерпимости, в подозрительном и враждебном отношении к культурной элите, в исключительной посюсторонности, в отрицании духа и духовных ценностей, в придании материализму почти теологического характера. Интересна, с этой точки зрения, и данная Бердяевым, характеристика лидера революции В.И. Ленина, личность которого рассмотрена не вне, а в контексте русской истории и культуры.

Во-вторых, признано им историческое значение большевиков, ибо они остановили хаотический распад России. Бердяев пишет об этом: «В русской революции, как, впрочем и во всякой революции, произошло расковывание и сковывание хаотических сил. Народная толща, поднятая революцией, сначала сбрасывает с себя все оковы, и приход к господству народных масс грозит хаотическим распадом. Народные массы были дисциплинированы и организованы в стихии русской революции через коммунистическую идею, через коммунистическую символику. В этом бесспорная заслуга коммунизма перед русским государством»². В этом плане Бердяев, относясь идеологически отрицательно к советской власти, признает при этом, что это единственная власть, выполняющая защиту России от грозящих ей опасностей.

Конечно, в ряде моментов Бердяев остается верен сформулированным прежде идеям. Это касается преимущественно общей оценки роли революций и их места в истории. Так, в революции он продолжает видеть разрушение, отрицание, итог разложения предыдущего этапа развития, что выражено им весьма афористично: «Смысл революции есть внутренний апокалипсис истории»³. Эти характеристики неудивительны, если учесть религиозный характер его философствования. Но, по нашему мнению, это не отменяет в целом объективного рассмотрения им русской революции в «Истоках и смысле русского коммунизма», в отличие от «Духов русской революции» с их чрезмерным негативизмом по отношению и к самой революции, и к народу, ее совершившему.

Кратко остановимся на общей оценке бердяевской философии, данной представителями русской эмиграции (эта оценка, в нашем понимании, во многом связана с интерпретацией Бердяевым русской революции), в частности таким известным историком русской философии, как В.В. Зеньковский. Зеньковский характеризовал Бердяева как романтика, мало интересующегося реальностью. Единственный вклад в диалектику русской мысли, данный Бердяевым, это его этические искания. Мысль его, с точки зрения Зеньковского – самообеспложена, а философское дарование не было внутренне свободно⁴. Такая оценка симптоматична. Рискнем предположить, что она не в последнюю очередь навеяна непростым и неоднозначным отношением Бердяева к русской революции, направленностью его мысли на понимание ее сути.

В заключение, давая собственную оценку интерпретации Бердяевым русской революции, хотелось бы солидаризироваться с мнением О.Д. Волкогоновой, согласно которому самое важное, что можно извлечь из работ Бердяева о революции, – это признание им факта, что революция не была чем-то внешним по отношению к истории страны, не была она случайностью и не была неудачей, в общем, не была чем-то «неправильным»⁵. А была русская революция необходимым и закономерным этапом хода исторического развития России.

¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyayev/berdn015.htm>.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См.: Зеньковский В.В. История русской философии. Т. II. Ч. 2. Л.: Эго, 1991. С. 80–81.

⁵ Волкогонова О.Д. Указ. соч. С. 101.